

АШОТ ВОСКАНЯН

ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА АРГУМЕНТАЦИИ
В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

1. Возникновение современных философских теорий аргументации (Х. Перельман, Г. Джонстон) можно рассматривать как очередную попытку разработки методологии общественных наук (далее — ОН) в пределах парадигмы, предложенной аналитической философией. В массе подобных попыток, реализованных в рамках аналитического стиля мышления, выделяется два полярных подхода: тенденция к отождествлению методов (соответственно, способов аргументации) ОН с методами и аргументацией естественных наук (далее - ЕН) и тенденция к их противопоставлению.

Первое направление стремилось показать, что общественное, а в более узком смысле - гуманитарное знание в конечном итоге обладает логической структурой (далее - ЛС), аналогичной ЛС в ЕС, усложненной некоторыми специфическими обстоятельствами, как то: имплицитность некоторых ЛС, предполагающая интуитивное оперирование ими, гипотетический характер законов, наличие ценностного фактора в ОН и т.п. Подобная тенденция наиболее ярко проявилась в работах К.Гемпеля.¹

Второе направление исключало наличие закономерно зафиксированной логики в ОН, сводя гуманитарное знание к совокупности ценностных (эмотивных) высказываний (ранний Ричардс²) или к оперированию примерами и прецедентами по принципу юридической аргументации (Х.Перельман³)

Впоследствии все чаще стала выступать на первый план тенденция к синтезу двух этих подходов, предполагающая как определенную общность ЛС для ЕН и ОН, так и наличие специального типа упорядочения в ОН. В этом направлении двигались например исследователи, пытающиеся смоделировать ЛС науки на основе логики вопросов и ответов (the question-

theoretical approach). Большинство из них (Я. Хинтикка, Р. Манор и др.) при этом не покидали пределов аналитической парадигмы мышления, сохраняя в качестве общего исходного пункта формальную логику и стремясь посредством более гибкой ее интерпретации расширить сферу ее применения.

Стремление к синтезу присуще также герменевтической традиции, где, однако, доминирующей является процедура понимания (Verstehen), первоначально считавшаяся характерной лишь для ОН. Попытки придать герменевтической парадигме 'аналитическую' строгость можно найти у таких современных мыслителей как П. Рикер, К.-О. Апель, Ю.Хабермас.¹

И все же обе эти парадигмы (аналитическая и герменевтическая) остаются внутренне противопоставленными. Основанием для этого является различное отношение к проблеме взаимодействия объекта и субъекта в процессе познания. Опознавательным знаком, определяющим водораздел между двумя указанными позициями, К.О.Апель — по-видимому, справедливо — считает ответ на следующий вопрос: „определяется ли принципиальное отличие по отношению к ситуации в естествознании тем обстоятельством, что человек в общественных науках выступает одновременно в качестве субъекта и объекта этих наук?“⁵

2. В направлении синтеза двигалась также ереванская школа аргументации, которая с самого начала попыталась придать теории аргументации более широкое значение, охватывающее все способы аргументации как в ЕН, так и в ОН. Аргументация при этом рассматривается как совокупность всех (в том числе и формально-логических) ментальных средств убеждения и побуждения к действию.⁵ Данный подход не снимает, конечно, проблемы специфики ОН, но пытается придать ей новое измерение, подчеркивая, что все человеческое познание (как ОН, так и ЕН) в той или иной мере подчиняется закономерностям, описываемым в теории аргументации. Сама же теория аргументации, а в конечном счете и теория познания в целом, отсылает к анализу практической деятельности как своего исходного пункта, тем самым исключая апелляцию к „первоначально“, ограниченному рамками теоретического мышления. Оппозиции типа „логическое внелогическое“, „знание-ценность“, „закон - прецедент“ оказываются вторичными по отношению к внутренней, функциональной различности ЕН и ОН, обуслов-

ленной их местом и ролью в совокупной системе практической деятельности. Это фундаментальное функциональное различие обуславливает в свою очередь различие ЛС в ЕН и ОН.

II

1. *Основной тезис*, который я собираюсь защищать в настоящей статье, следующий. *Аргументация в ОН структурно не менее (а возможно и более) упорядочена, чем в ЕС. Однако ОН обладают ЛС, качественно отличающейся от ЛС ЕС.* Это различие (а также вытекающее из него различие способов аргументации) обусловлено отнесенностью ЕН и ОН соответственно к двум основным составляющим практики как чувственно-предметной деятельности общественного человека: *труду* (собственно производственной деятельности — *Arbeit*) и общению (*Verkehr*).⁷

2. Принято считать, что объект познания коррелятивен его субъекту. На языке философии практики это означает, что достигнутый на определенном этапе исторического развития уровень организации производства и коммуникации определяет познавательные возможности гносеологического субъекта, его цели и интересы. В соответствии с этим формируется и объект познания. В процессе предметной деятельности из бесконечного многообразия действительности вычленяется определенная совокупность свойств, из которых конструируются идеальные объекты науки. Так же, как результаты материальной деятельности выступают в форме чувственно воспринимаемых *реальных предметов*, результаты духовного производства закрепляются в качестве специальных духовных, *идеальных предметов*.⁸ Гносеологическое своеобразие последних выражается в том, что они мыслятся „...как объект, как нечто, обладающее не только определенностью, но и существованием, независимым от процесса определения, являющегося независимым актом субъекта. Идеальный объект, в отличие от понятия, есть определенность, мыслимая как существующая“.⁹ Как ЕН, так и ОН оперируют идеальными объектами. Собственно, совокупность мыслительных средств, тем или иным образом связывающих идеальные конструкторы, и представляет логическую структуру нашего знания.

Ниже мы попытаемся очертить некоторые специфические особенности ЛС в ЕН и ОН.

III

ЕН, ориентированные на техническое воспроизведение предметности, основаны на принципиальном отождествлении разнообразия созерцаний с идеальным объектом как таковым. В самой основе идеальных конструктов лежит абстракция отождествления. ЕН оперируют конструктами, которые предполагаются *как бы* существующими и одновременно являются представителями целого класса аналогичных объектов, принципиально неразличимых друг от друга с точки зрения данной ЕН-теории. Так, каждый электрон считается тождественным всем другим электронам, любая Х-хромосома не отличается от других Х-хромосом и т.д. Идеальным объектам приписывается ограниченное количество свойств, что позволяет естествоиспытателю в пределах определенной ЕН-теории интеллектуально контролировать все возможные состояния исследуемых объектов.

Даже в тех случаях, когда индивидуальные различия между членами того или иного класса объектов оказывают определенное воздействие на результат исследования (в квантовой механике, например), естествоиспытатели не отказываются от принципа *полной взаимозаменяемости* объектов ЕН, предпочитая ввести понятие вероятности, позволяющее осуществлять количественную фиксацию случайных событий.

ЕН-законы могут быть сформулированы посредством логических суждений, устанавливающих связи и отношения между конечным числом параметров идеальных объектов. Парадигма математизированного естествознания, взятая в *чистом виде*, предполагает наличие систем уравнений, описывающих связи между идеальными объектами посредством описания функциональных зависимостей между их свойствами. В качестве основной структурной единицы ЕН выступают общие законы (*covering laws*), тяготеющие к форме $y = f(x)$. Эти законы, вместе с логическими правилами преобразования выражений и перехода от общих утверждений к отдельным событиям, зафиксированным в форме операциональных высказываний, составляют в совокупности ЛС ЕН, идеалом которого является аксиоматико-дедуктивная форма представления знания.¹⁰ Математика и формальная логика выступают в качестве языка (*langue*) ЕН.

2. Несмотря на существование правил преобразования выражений, *каждое соотнесение закона и частного случая в ЕН инди-*

видуально постольку, поскольку отсутствуют „метаправила“, регулирующие применение данных правил.¹¹ Именно поэтому решение любой конкретной задачи — творческий процесс, предполагающий наличие воображения. Такое воображение, устанавливающее неповторимую для каждого отдельного случая связь между охватываемым законом и единичным случаем, Кант называл *репродуктивным*.¹² Однако конкретно-неповторимый способ решения задачи (подведения частного под общее) *несущественен для целей технического воспроизведения*. А посему в ЕН, как правило, фиксируется лишь факт отнесенности $b = Fa$ к общему случаю $y = f(x)$, способы же решения задач типологизируются и представляются в качестве вспомогательных алгоритмов, опять же имеющих техническое значение.

Аналогичная ситуация возникает в процессе интерпретации ЕН-текста *ученым-практиком*. Общеизвестно, что интерпретация любого (в том числе и научного) текста может быть различной в зависимости от установки (*Vorverständnis, questioning strategy* и т.д.). Однако естествоиспытатель каждый раз ищет одну — „единственно-верную“ интерпретацию, апробируя и отбрасывая остальные как ложные. Субъектом науки оказывается, по сути, группа ученых-экспертов, выступающих в качестве прагматических интерпретаторов ЕН-текстов.¹³ Конкретная парадигма исследования, связанная с исторически-преходящим научным сообществом, постулируется в качестве абстрактно-всеобщего субъекта научного исследования. В каждом отдельном случае группа экспертов, претендуя на общезначимость своих выводов, выступает в качестве *монолитного единства*, призванного заменить собой „трансцендентальный субъект“ классической философии. „Единое“ общество как субъект противопоставляет себя природе как объекту.

Принципиально иным образом обстоит дело при *методологическом анализе* научного текста. (Не исключено, что его будет проводить тот же ученый, выступающий в иной роли — роли методолога). Однако методологический анализ ЕН-теории, рассматривающей последнюю в качестве специфического культурного образования, подводит нас к области гуманитарии, составляющей прерогативу ОН.

1. Обычно, желая подчеркнуть специфический характер аргументации в ОН, указывают на ценостный характер гуманитарного знания и уникальность его объектов. Однако это, вполне справедливое само по себе, замечание мало что объясняет. Проблема заключается в следующем: применима ли к индивидуализированным объектам и ценностям структура аргументации, аналогичная ЛС ЕН.

Для прояснения этого вопроса обратимся к закономерностям образования идеальных объектов в сфере ОН. Своеобразие этого процесса определяется тем обстоятельством, что социально-исторические факторы не только обуславливают предметный и методологический горизонт формирования объекта исследования в ОН, но и представляют собой *все содержание* объекта познания. Идеальные объекты, которыми оперируют в ЕН, аккумулируют в себе в качестве предикатов свойства естественных объектов, проявляющиеся в процессе того или иного природного события (включающего в себя экспериментальное „вопрошание“ природы и индустриальное ее использование). Этим, собственно, и исчерпывается задача естествоиспытателя. Однако „...в-себя-бытие природных вещей в силу их полнейшей безразличности ко всему человеческому не способно служить адекватным выражением *социальных явлений*. Природное может быть лишь символическим обозначением социального“.¹⁴

Общество, как объект познания, характеризуется совокупностью специфических отношений. Это *коммуникативные* отношения, обусловленные определенным уровнем развития производства. Объекты, вовлеченные в сеть коммуникативных отношений, выступают в качестве носителей своеобразных функций, порождаемых этими отношениями. Не только человек, но и все природные объекты, участвующие в социальном движении, приобретают существенно новые качества. Река превращается в торговую магистраль, запасы нефти трансформируются в капитал, золото — в деньги, рабочая сила — в товар, а цветок — в символ любви. Символизм становится всеобщим свойством социальных предметов, поскольку их „общественно-отмеченные“ свойства имеют условный характер и не существуют вне определенной системы коммуникативных отношений.¹⁵

Очевидно, что символические отношения должны быть закреплены посредством определенной знаковой системы — языка. Однако при этом необходимо учитывать, что первоначальный уровень коммуникации вовсе не предполагает существования развитого языка и даже сознания как такового. Характерно, что немецкое слово „Verkehr“, которое в Марксовой философии практики традиционно употреблялось для описания общественных отношений, означает не только коммуникацию в собственном смысле слова, но и „сношение“, „связь“, „циркуляцию“ вообще. Так что вполне вещественные, „недуховные“ действия могут быть представлены в качестве „Verkehr“. Это важно, если вспомнить, что в „Немецкой идеологии“ вещественная коммуникация определяется как „язык действительной жизни“.¹⁶ Сначала „говорит“ сама общественная жизнь и лишь благодаря этому — люди. Первоначальная „языковость“ социальной жизни обретает свое логическое завершение в естественном языке. И тогда любая природная вещь, вовлеченная в общественное движение, приобретает „чувственно-сверхчувственную“ природу.¹⁷ „Сверхчувственное“ создается не сознанием, а деятельностью. Но если общественное сознание его не различает и не признает, его в материальных объектах и нет“.¹⁸ Новый статус чувственно-природных вещей закрепляется в идеальных предметах, функционирующих в культуре. Эти предметы представляют собой не обычный идеальный образ природного предмета, как это имело место в ЕН, но выступают в качестве идеальной фиксации ансамбля новых свойств природной вещи. Символический характер этих свойств обуславливает их *лабильность*, возможность *свободного обмена и трансформации функций* среди объектов ОН. Именно это обстоятельство позволяет утверждать, что *социальная реальность как объект исследования ОН качественно отличается от объектов ЕН.*

2. Соответственно объекту, принципиально иные характеристики принимает и субъект ОН. При очерченном здесь подходе субъект никак не может быть представлен в качестве некоего „трансцендентального единства апперцепции“ или его новейших монолитных аналогов уже потому, что внутренняя расчлененность *коммуникативного общества* (Апель) как объекта ОН обуславливает его внутреннюю расчлененность как субъекта ОН. Последний выступает как *система* взаимодействующих индиви-

дов, каждый из которых является носителем „собственно человеческой“ сущности постольку, поскольку в нем как в фокусе преломляются все (материальные и духовные, групповые и личностные) отношения и связи с другими людьми, все историческое развитие культуры. Между личностью и обществом существует весьма специфическое отношение: общество не состоит из „частей“. Каждый человек — отдельный мир, взятый в его „тотальности“, и следовательно, „под каждой надгробной плитой лежит всемирная история“ (И. Гете). Надо полагать, что монады Лейбница „не имеют окон“ не потому, что связь между ними невозможна, а потому, что они не нуждаются в „окнах“ — каждой из них дана индивидуализированная вариация одного и того же мира, взятого в его целостности. *Общественный субъект*, „...который полностью опосредован социальным целым и представляет собой индивидуализированную тотальность общества“¹⁹, внутренне дифференцирован и *принципиально диалогичен*.

Ценностная окрашенность объектов ОН является естественным следствием из вышесказанного. Если сама социальная реальность возникает из практических (коммуникативных) отношений между людьми, то она неизбежно включает в себя не только новые функции объектов, возникающие из этих отношений, но и отношение человека к этим функциям, своего рода „отношения отношений“, обусловленные *местом* конкретного субъекта в общей системе социальных связей. Идеальные вещи, уже нашедшие свое языковое выражение, представляют собой очищенные от случайных качеств действительности предметы в „идеале“. В связи с этим они приобретают регулятивную функцию норм, эталонов, исходя из которых сознание обеспечивает свое внутреннее единство.²⁰ Но если структура субъекта оказывается ценностно маркированной, а объекты исследования выступают в качестве эталонов, то необходимо говорить не о соотношении знания и ценности в ОН, но о *знающей оценке или оценивающем знании* как едином процессе познания социальных феноменов.²¹ Тем самым любой когнитивный акт ОН диалогичен и принципиально *полемичен*, поскольку он вбирает в себя отношение к иным возможным позициям. Таким образом, признавая неизбежную вовлеченность исследователя в исследуемые им отношения, мы вынуждены также признать, что факт

одновременного участия человека в качестве „актера и зрителя драмы жизни“ имеет основополагающее значение для ОН.

3.1. Сказанное вовсе не означает, что признание „монолитного“ субъекта и применение абстракции отождествления в описанном выше смысле исключено в ОН. Оно даже естественно, если только целью исследования является *техническое оперирование объектами*. Образцов подобных теорий в ОН предостаточно: от социальной физики А.Кетле до статистических методов современной социологии. Однако, при всей их плодотворности, потери оказываются невосполнимыми. Там, где мы имеем дело с миром культуры, техническое манипулирование перестает быть целью субъекта. Оно *бесплодно*, поскольку упускает из виду уникальность объекта, и *опасно*, поскольку создает предпосылки для перехода от технического манипулирования культурой к техническому манипулированию людьми. С другой стороны очевидно, что ОН перестали бы быть науками, если бы отказались от исследования общего, сосредоточившись на описании уникального.²² Выше мы видели, что оперирование идеальными объектами присуще также и ОН.²³ Поскольку любой идеальный объект в той или иной мере воплощает общий принцип (связь, отношение), то речь должна идти о выявлении *своеобразного механизма связи общего и единичного* в ОН.

3.2. В ОН анализ конкретных социальных феноменов (исторических фактов, художественных произведений, поступков и т.п.) не исчерпывается их отнесением к общему принципу (закону, тезису, главному вопросу и т.д.). Центр тяжести здесь переносится на сам процесс подведения данного неповторимо-конкретного случая под правило. Если даже последнее сформулировано эксплицитно (исторический закон или моральная норма), мы вынуждены говорить не о *цепочке* логических правил, но специфической *многомерной* структуре, где каждый отдельный случай *по своему* соотнесен с общим. Целью ОН оказывается не *результат* работы репродуктивного воображения, а *конкретный путь*, пройденный воображением, вынужденным восполнить отсутствие „метаправил“ творческой интуицией.

Сделав целью сам процесс (а не его результат), мы имеем дело уже не с *языком* как знаковой системой (математика, логика), а с *языковой деятельностью* (langage), в которой принципы и правила не всегда зафиксированы эксплицитно. Здесь мы уже

находимся на полпути к общему, вовсе не данному нам в явном виде. Собственно уже в этике и юриспруденции место общего принципа часто занимает его репрезентант — прецедент, пример, частный случай, возведенный в ранг символической всеобщности. Эта возможность была зафиксирована еще Аристотелем, исследовавшим закономерности сведения риторических фигур (примера и энтимемы) к логическим процедурам (индукции и силлогизму).²⁴

3.3. Прецедент уже являет собой пограничный случай, предупреждающий о том, что общее может быть вообще не дано эксплицитно, что характерно, например, для нарративных текстов: литература, история и т.д. При этом оказывается, что совокупность идеальных объектов, представленных в *языковой деятельности* (понимая язык широко, вплоть до *Verkehr*), дана нам в качестве „демонтированных функций“, допускающих различные способы сочетания в зависимости от выделения главного принципа (тезиса, вопросной стратегии и т.д.). Но если мы восходим от многообразия к неизвестному принципу, то мы обязаны говорить уже не о репродуктивном, о *продуктивном* воображении (И.Кант).²⁵

„Растворенные“ в языковой деятельности идеальные объекты могут быть „кристаллизованы“ по-разному. Трудность здесь заключается отнюдь не в невозможности экспликации общего принципа связи, а наоборот, в наличии слишком многих способов подобной экспликации.²⁶ В результате один и тот же текст порождает разные „реальности“ с различными идеальными объектами. Только здесь, в отличие от ЕН-текстов, следовало бы говорить не столько о *взаимоисключающих*, сколько о *рядоположных* интерпретациях. Выше мы видели, что ориентация ОН на коммуникацию, а следовательно — диалог, принципиально исключает возможность сведения познающего субъекта к монолитному единству (даже в техническом смысле абсолютизации схем исторически локализованного научного сообщества). В ОН нас интересует не просто *главный вопрос*, для достижения которого вопросная стратегия является *средством*. Примерно такими были, например, известные попытки распространения методических приемов порождающей грамматики Н. Хомского с ее соотношением поверхностных и глубинных структур на более широкий круг гуманитарных проблем. Однако

естественными установками ОН являются *одновременная актуализация, постоянное развертывание и „мерцание“ смыслов*, репрезентация общего через динамику взаимодействия единичностей.²⁷ Именно в этом непрекращающемся диалоге „предпониманий“, в „бесконечном путешествии“ понимания находит свое оправдание тезис о коммуникативности ОН.²⁸

V

Стиль — это человек, а следовательно, не в последнюю очередь, — и его отношение к другим людям. А это значит, что различные стили аргументации могут свидетельствовать не только о методологических различиях исследователей, но и качественно отличных экзистенциальных позициях. С этой точки зрения интересно замечание И. Галтунга, проводящего принципиальное различие между „тевтонским“ и „англосаксонским“ стилем аргументации. „В то время как последний пытается реконструировать исходную установку (belief pattern) оппонента настолько, чтобы избежать конфронтации или несогласия...“, теvтонский стиль аргументации и, соответственно, интерпретации совершенно отличен: „...ни намека на вежливость... непреклонность при тончайших нюансах... Никаких попыток дать вытереть кровь и совместно сдерживать свое жесткое Я“.²⁹

Как видно из вышесказанного, речь здесь должна идти не просто об уровнях терпимости (degrees of charity), свойственных различным культурным традициям, но принципиальных исследовательских установках в области ОН.

„Англо-саксонский“ стиль мышления подчеркнута аналитичен. Его представители глубоко верят в возможность выделения *главного вопроса*, сводимого с теми или иными оговорками к covering law, по отношению к которому анализ многообразных частных случаев приобретает лишь техническое значение. ЛС ОН запутана, замутнена массой привходящих моментов, однако в конечном счете ничем принципиально не отличается от ЛС в ЕН.

„Тевтонский“ стиль герменевтичен. Он не может отказаться от нюансов, поскольку именно в бесконечном развертывании частных видит смысл гуманитарного труда. Для подобного подхода должен быть характерен диалог многообразия, основанный на *многомерной, презентативной ЛС*, но не элиминация частных. Высокая терпимость аналитической традиции переходит в свою противоположность, допуская *насилие над частностями*, состав-

ляющими душу всякого гуманитарного исследования. Опасность, таящаяся в такого рода „терпимости“, прекрасно выражена в парадоксальной фразе сатирика: „Очень часто наша судьба зависит от людей, которые вообще не знают, что мы существуем“ (К. Костов).

Примечания

¹ См. Hempel C.G. The Funktion of General Laws in History. In: Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science, N.Y.-L., 1968, pp. 231 – 243.

² См. Ogden C.K., Richards I.A. The Meaning of Meaning, N.Y., 1936, pp. 149 – 150.

³ См. Perelman Ch. The Idea of Justice and the Problem of Argument, L.- N.Y., 1964.

⁴ См. Ricoeur P. Hermeneutics and the Human Sciences, Cambr. 1981, его же: Рикер П. Конфликт интерпретаций, М., 1995; Apel K.-O. Transformation der Philosophie, Bd. 1. u. 2., Ffm., 1973; Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1. u. 2., Ffm., 1982. О непосредственном интересе представителей этой волны к синтезу парадигм свидетельствует например блестящий экскурс в теорию аргументации (С. Тулмин, Х. Перельман, В.Кляйн), осуществленный Ю.Хабермасом в указанном сочинении (Habermas J. Op. cit. B. 1, S. 44 - 71).

⁵ Apel K.-O. Op. cit., S. 226.

⁶ См. Г. Брутян. Очерк теории аргументации, Ер. 1992, его же: Logic, Language, and Argumentation in Projektion of Philosophical Knowledge, Lisbon, 1998; А.Оганесян. Ереванская школа аргументации, София, 2001, а также: А.П. Алексеев, Аргументация, познание, общение, М., 1991, с. 4.

⁷ В этом пункте я склонен принять интерпретацию Ю. Хабермаса, связывающего ЕН преимущественно с ориентацией на техническое воспроизведение реального продукта (труд), а ОН с практическим интересом, направленным на коммуникативные цели (общение) – см. Habermas J. Op. cit., S. 240.

⁸ См. Абрамян Л.А. Идеально ли идеальное? – Вопросы философии, 1987, No 10, с. 74 – 75.

⁹ Смирнов Г.А. К определению целостного идеального объекта. – Системные исследования. Ежегодник - 1977, М., 1977, с. 62.

¹⁰ Вряд ли есть необходимость доказывать, что этот идеал недостижим. Многолетние исследования по логике „реальной науки“

показывают это с достаточной очевидностью. Однако, в качестве идеала, ЕН продолжают ориентироваться (и это естественно) на гипотетико-дедуктивную ЛС.

¹¹ См. Schleiermacher F. Hermeneutik und Kritik, Ffm., 1977, S. 81; Frank M. Das individuelle Allgemeine, Ffm., 1973, S. 348.

¹² Т.Кун называет эту процедуру решением головоломок. — Кун Т. Структура научных революций, М., 1977, разд. 4.

¹³ См. Apel K.-O. Op. cit., В. 2., S.159.

¹⁴ Абрамян Л.А. Цит. соч., с.77.

¹⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 46, ч.1, с.103. Ср. с аналогичной констатацией М.Хайдеггера: „Рейн есть то, что он теперь есть в качестве реки, а именно поставитель гидравлического напора, благодаря существованию гидроэлектростанции. ... Нам возразят, что Рейн все-таки еще остается рекой среди своего ландшафта. Может быть. Но как? Только как объект, предоставляемый для осмотра экскурсионной компанией, развернувшей там индустрию туризма” — Хайдеггер М. Вопрос о технике. — Время и бытие, М., 1993, с.226 — 227.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 4, М., 1937, с. 16.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 13, с. 29.

¹⁸ Классен Э.Г. Категория „идеальное” в работах К.Маркса. — Вопросы философии, 1987, No 10, с. 85.

¹⁹ Батищев Г.С. Деятельная сущность человека как философский принцип. — Проблема человека в современной философии, М., 1969, с. 92.

²⁰ См. Абрамян Л.А. Цит. соч., с. 75 — 76.

²¹ Именно здесь, кстати, проходит водораздел, фиксирующий принципиальное отличие неокантианской методологии общественных наук (Виндельбанд, Риккерт, Кассирер) от герменевтической парадигмы В.Дильтея и М.Хайдеггера. Ср.: Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени, Томск, 1998, гл. 1. Смысл и первый прорыв феноменологического исследования, с. 16 — 30, а также: Хайдеггер М. — Кассирер Э. Давосская дискуссия между Эрнстом Кассирером и Мартином Хайдеггером. — Исследования по феноменологии и философской герменевтике, Минск, 2001, с.124 — 134.

²² Ср. Dilthey W. Die Entstehung der Hermeneutik. — Wilhelm Diltheys Gesammelte Schriften, L. & B., 1924, s. 331.

²³ Подробнее об идеальной реальности в искусстве см. Ոսկանյան Ա. «Գեղարվեստական ռեալություն» հասկացության մեթոդաբանական եւ իմացաբանական տեսանկյունները. - Եւրեւիլայի հարցեր, գիրք երրորդ, Եր., 1987, էջ 51 - 71.

²⁴ См. Аристотель. Риторика, кн. 1,2 и кн.11, с.20-26.

²⁵ Прослеженное здесь внутреннее движение показывает, почему, с одной стороны, различая теоретическое, этическое и эстетическое как три самостоятельные сферы, мы, с другой стороны, противопоставляем техническое гуманитарному, объединяя этику и эстетику как два взаимопереходящих полюса одного и того же феномена. Ведь на практике мораль реализуется эстетически - через интериоризацию норм, а эстетика вполне может быть нормативной.

²⁶ Dilthey W. Gesammelte Schriften, B. 5, S. 168.

²⁷ Ср.: Золян С.Т. О соотношении языкового и поэтического смыслов, Ер., 1985, с. 93.

²⁸ При применении сказанного к ЕН-тексту возникают некоторые сложности. С одной стороны, методологический анализ ЕН-текста - гуманитария, и все сказанное относится и к нему тоже. С другой стороны, ученый-практик (не методолог) ориентирован на одно - единственно верное понимание. Но есть и третья сторона вопроса: в реальной практике научного исследования естествоиспытатель всегда выступает также и в роли методолога - ведь нет иного пути к *пониманию природы*, в обход *понимания теории*.

²⁹ Galtung J. Struktur, Kultur und intellektueller Stil. - *Leviathan*, vol. 2 (1983), p. 307. - цит по: Kakkuri-Knuuttila M.-L. & Kusch M. LSP-Research, Philosophy of Science, and the Question-theoretical Approach - some Tentative Suggestions (manuscript), p. 38. Вряд ли имеет смысл предупреждать об условности используемых здесь терминов. Свидетельство тому - деятельность „венского кружка“, вполне подходящая под определение „англо-саксонского“ стиля.